

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 269

31 октября 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката Г., заявителей В. и адвоката Ве., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам адвоката Ве. от 29 мая 2023 года (вх. № ... от 29.05.2023) и В. от 12 июля 2023 года (вх. № ... от 13.07.2023) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 13 сентября 2023 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В. (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившемся в том, что лишь на основании достигнутого с доверителем В. устного соглашения и без заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме адвокат Г.:

- не позднее 26 августа 2021 года принял поручение на представление интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве различных следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы;

- в период времени с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года принял поручение на представление интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в рамках производства по гражданскому делу № ... Л. районным судом города Москвы);

- в период времени с 28 августа 2021 года по 06 мая 2022 года пятью платежами получил от доверителя В. вознаграждение за оказание юридической помощи в общей сумме 425 000 рублей на счет личной банковской карты, не внеся его на расчетный счет адвокатского образования (адвокатского кабинета), а также не выдав доверителю В. каких-либо финансовых документов по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.);

2) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В. (своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившемся в том, что, приняв не позднее 26 августа 2021 года поручение на представление интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве различных следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы, и сформировав у доверителя В. убеждение в совместном оказании ему юридической помощи адвокатами Г. и А., он устранился от оказания данной юридической помощи доверителю В., полностью перепоручив ее оказание адвокату А.;

3) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям п. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В. (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившемся в получении адвокатом Г. в период времени с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года от доверителя В. дополнительного вознаграждения в общей сумме 125 000 рублей, в том числе за оказание дополнительной юридической помощи по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве различных следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы («сопровождение на опознание»),

посредством введения доверителя В. в заблуждение относительно формализации адвокатом Г. с доверителем В. правоотношений путем принятия последним «публичной оферты», относительно фактического оказания ему юридической помощи адвокатом Г., а также относительно возможности ее дальнейшего оказания в уголовном судопроизводстве (в условиях приостановления предварительного следствия по уголовному делу);

4) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В. (своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами), выразившемся в том, что, приняв в период времени с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года поручение на представление интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в рамках производства по гражданскому делу № ... Л. районным судом города Москвы) и получив, в том числе за оказание данной юридической помощи, дополнительное вознаграждение в общей сумме 125 000 рублей, адвокат Г. устранился от представления интересов В. как ответчика по гражданскому делу № ..., рассмотренному Л. районным судом города Москвы с вынесением решения от 02 марта 2023 года;

5) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе адвоката Ве. от 29 мая 2023 года (вх. № ... от 29.05.2023) и по жалобе В. от 12 июля 2023 года (вх. № ... от 13.07.2023), вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства – в части доводов о совершении адвокатом Г. в отношении доверителя В. мошеннических действий по завладению его денежными средствами.

Адвокат Г., извещенный надлежащим образом о дате, времени и месте рассмотрения Советом дисциплинарного производства, электронным письмом сообщил о невозможности обеспечить свою «явку на заседание» Совета в связи с нахождением в командировке и об отсутствии у него возражений против рассмотрения дисциплинарного производства Советом без его участия (вх. № ... от 26.10.2023). Свое отношение к заключению Квалификационной комиссии и ее выводам адвокат Г. в указанном электронном письме не выразил. Однако 31 октября 2023 года адвокат Г. принял участие в заседании Совета с использованием видео-конференц-связи и сообщил, что с заключением Квалификационной комиссии он ознакомлен, но не согласен с ним в части установленных Комиссией нарушений. Возражая против выводов Квалификационной комиссии, пояснил, что его роль во взаимоотношениях с В. была только в том, чтобы познакомить В. с адвокатом А. и впоследствии «контролировать» оказание юридической

помощи, оказываемой В. адвокатом А. По этой причине он не считает В. своим доверителем в отношении той юридической помощи, которую ему оказывал адвокат А. Он (адвокат Г.) заключил с В. «общее» соглашение на оказание правовой помощи по всем возникающим у В. вопросам, которым было предусмотрено право адвоката Г. привлекать для защиты интересов В. иных адвокатов. Этим правом адвокат Г. и воспользовался, заключив соответствующее соглашение с адвокатом А. Денежные средства, выплаченные В. в качестве вознаграждения за юридическую помощь адвокату Г., были переданы последним адвокату А., который и обеспечил В. качественную правовую помощь по всем возникавшим у В. вопросам.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Г. согласился с тем, что в данных взаимоотношениях он выступил в качестве коммерческого посредника, а также осуществлял коммуникации между В. и адвокатом А. Дату заключения соглашения с В. и его предмет он точно не помнит и назвать не может, а в материалы дисциплинарного производства это соглашение им не представлено, поскольку его об этом не просили в ходе дисциплинарного разбирательства. Признал в своих действиях нарушение только в части избранного им способа получения вознаграждения, причитающегося, по его мнению, адвокату А., на свою банковскую карту. Просил Совет строго его не наказывать, не прекращать его статус адвоката.

Заявители – адвокат В. и В. в заседании Совета сообщили, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлены, с выводами Комиссии полностью согласны. Кроме того, В. пояснил, что никаких соглашений с адвокатом Г. он не заключал и не подписывал. Утверждая о наличии какого-то «соглашения об оказании правовой помощи по широкому кругу вопросов», адвокат Г. вводит Совет в заблуждение. При этом В. воспринимал Г. именно как своего адвоката, поскольку именно он принял поручение, вел с ним (В.) переговоры и давал пояснения и ответы на его вопросы, касающиеся оказания юридической помощи как по уголовному, так и по гражданскому делу по иску к нему ПАО «Сбербанк», рассмотренному Л. районным судом города Москвы. Денежные средства за оказание юридической помощи он каждый раз перечислял на счет адвоката Г. в соответствии с инструкцией последнего, а адвоката А. В. воспринимал не как своего защитника и представителя, а как помощника адвоката Г. Просил Совет применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката в связи с тем, что тот злоупотребил его доверием, получил оплату за оказание юридической помощи, которую не оказал, полностью оставив его без помощи по гражданскому делу и самоустранившись от оказания помощи по уголовному делу, но продолжая и после этого давать ложные ответы и обещания.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем, Совет полагает необходимым уточнить объем дисциплинарного обвинения, о чем будет указано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

21 августа 2021 года В. обратился в дежурную часть Отдела МВД России по Т. району города Москвы с заявлением в порядке ст. 141 УПК РФ в связи с хищением с его банковского счета в ПАО «Сбербанк», привязанного к банковской карте, принадлежащих ему денежных средств, а также в связи с другими противоправными действиями. В тот же день постановлениями следователя СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы Б. возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, совершенного неустановленным лицом, а В. признан по указанному уголовному делу потерпевшим.

23 августа 2021 года В. обратился к адвокату Г. за оказанием юридической помощи в виде представления его интересов в качестве потерпевшего по вышеуказанному уголовному делу. 23 августа 2021 года и 26 августа 2021 года состоялись встречи В. с адвокатом Г., по приглашению которого в них участвовал также адвокат А. 26 августа 2021 года между доверителем В. и адвокатом А. заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи, предусматривающее в качестве предмета поручения «Направление адвокатского запроса в СУ по ... г. Москвы, получение копий процессуальных документов в СУ по ..., передача копий документов в ПАО «Сбербанк»». В соответствии с условиями этого соглашения за исполнение указанного поручения адвокату А. от доверителя В. подлежало выплатить вознаграждение в размере 1 000 рублей. 26 августа 2021 года В. произвел перевод денежных средств в размере 300 000 рублей на счет банковской карты адвоката Г. по номеру его телефона. 21 октября 2021 года следователем СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы Ч. на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ вынесено постановление о приостановлении предварительного следствия в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

26 марта 2022 года В. получил копию искового заявления ПАО «Сбербанк» в лице филиала – Московского банка ПАО «Сбербанк» о взыскании с него задолженности по эмиссионному контракту с ценой иска 661 996,88 рублей. 31 марта 2022 года В. произвел перевод денежных средств в размере 40 000 рублей на счет банковской карты адвоката Г. по номеру его телефона, сопроводив указанный перевод сообщением в адрес получателя: «Первый платеж из 125 тыс.». 07 апреля 2022 года В. вновь произвел перевод денежных средств в размере 45 000 рублей на счет банковской карты адвоката Г. по номеру его телефона, сопроводив указанный перевод сообщением в адрес получателя: «Второй транш из 125 тыс.». 22 апреля 2022 года В. произвел третий перевод денежных средств – в размере 20 000 рублей на счет банковской карты адвоката Г. по номеру его телефона, сопроводив указанный перевод сообщением в адрес получателя: «С меня еще 20 тыс.». 06 мая 2022 года В. произвел четвертый перевод денежных средств – в размере 20 000 рублей на счет банковской карты адвоката Г. по номеру его телефона, сопроводив указанный перевод сообщением в адрес получателя: «Все,

финальный платеж». 02 марта 2023 года решением Л. районного суда города Москвы по гражданскому делу № ... удовлетворены иски ПАО «Сбербанк» в лице филиала – Московского банка ПАО «Сбербанк» к В. о взыскании задолженности по эмиссионному контракту и возмещении судебных расходов. В пользу истца с ответчика В. взыскана задолженность по эмиссионному контракту в размере 661 996,88 рублей и возмещение судебных расходов по оплате государственной пошлины в размере 9 819,97 рублей. Из содержания указанного решения суда следует, что гражданское дело рассмотрено с участием ответчика В. и в отсутствие его представителей.

04 марта 2023 года адвокат Ве. принял поручения В. на оказание ему юридической помощи по вышеуказанным гражданскому и уголовному делам, а также в дисциплинарном производстве по жалобе на действия (бездействие) адвоката Г.

В жалобах заявителей – адвоката В. и Ви. против адвоката Г. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

- в неисполнении обязанностей по формализации отношений с доверителем В., выразившемся в принятии поручений на оказание юридической помощи в уголовном и гражданском судопроизводствах и получении вознаграждения за ее оказание в общей сумме 425 000 рублей без заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме, а также без выдачи доверителю финансовых документов по проведению операций с его денежными средствами;

- в полном самоустранении от оказания В. какой-либо юридической помощи, несмотря на фактическое принятие вышеуказанных поручений и получение от него вознаграждения в общей сумме 425 000 рублей. При этом в жалобе заявителя В. указывается на нарушение адвокатом Г. таким его поведением предписаний ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, в жалобах заявителей содержатся доводы о наличии в действиях адвоката Г. признаков преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом Г. профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителем В., Совет приходит к выводу о том, что они нашли полное подтверждение.

Порядок оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи доверителям раскрывается в положениях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Так, п. 1 ст. 25 названного Закона установлено, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, а согласно п. 2 ст. 25 указанного Закона, соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. При этом согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату

расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ответственность за надлежащее оформление отношений с доверителем лежит на адвокате. «Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

«Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, в том числе и надлежащее оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний» (см., например, *п. 1 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2021 год по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 5. Опубликован на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/reviews/11310/>>*).

Вместе с тем, отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме, само по себе не исключает необходимости проверки и оценки органами адвокатского самоуправления обстоятельств принятия адвокатом поручения доверителя на основании устной договоренности.

В обоснование доводов о достижении соответствующей устной договоренности заявитель В. ссылается как на фактическое поведение адвоката Г., включая неоднократное принятие им от В. вознаграждения за оказанную юридическую помощь на счет личной банковской карты, так и на

материалы своей переписки с адвокатами Г. и А., осуществлявшейся посредством мессенджера WhatsApp.

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства подтвердил, что действительно вел переписку с В. посредством мессенджера WhatsApp, однако указал, что не может подтвердить подлинность предоставленных В. материалы дисциплинарного производства светочкопий этой переписки, поскольку «это события 2,5-летней давности», а у него переписка с В. не сохранилась из-за смены телефонного аппарата.

В ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства заявитель В. 03 июля 2023 года и 04 сентября 2023 года представил в Адвокатскую палату города Москвы свой мобильный телефон, содержащий указанную переписку, для ее осмотра, что подтверждается имеющимися в материалах дисциплинарного производства служебными записками.

Адвокату Г. электронным письмом от 28 июля 2023 года было предложено явиться в Адвокатскую палату города Москвы для участия в осмотре данной переписки, однако он на данное предложение не отреагировал, для участия в осмотре переписки в Адвокатскую палату города Москвы не явился. Ссылка адвоката Г. на отсутствие в его мобильном телефоне переписки с заявителем В. не свидетельствует о том, что такая переписка с указанным доверителем им не велась, равно как и о недостоверности содержания этой переписки, представленной В. Каких-либо иных объяснений и доказательств, ставящих под сомнение содержание указанной переписки, адвокат Г. также не представил.

При таких обстоятельствах Совет признает, что довод адвоката Г. о невозможности подтвердить содержание представленной в материалы дисциплинарного производства копии его переписки с заявителем В. не опровергает содержание этой переписки и не влияет на ее оценку. На достоверность указанного доказательства указывает и то, что содержащиеся в нем сообщения В. и адвоката Г. логически и хронологически соответствуют сообщениям, содержащимся в переписке В. и адвоката А., осуществлявшейся посредством того же мессенджера.

Оценивая содержание указанной переписки адвоката Г. и В., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что не позднее 26 августа 2021 года между адвокатом Г. и заявителем В. была достигнута договоренность об оказании первым последнему юридической помощи в уголовном судопроизводстве за вознаграждение. На достижение этой договоренности указывает и то обстоятельство, что 26 августа 2021 года заявитель В. произвел перевод денежных средств в размере 300 000 рублей на счет банковской карты адвоката Г. по номеру его телефона. О данном факте В. сообщил адвокату Г., написав ему в мессенджере WhatsApp: «Перевел», на что адвокат Г. ответил сообщением: «Есть». Таким образом, адвокат Г. подтвердил факт получения указанного вознаграждения и свое понимание его назначения.

Ссылки адвоката Г. на то, что он в полном объеме передал полученное от заявителя В. вознаграждение адвокату А., являются голословными и не

соответствуют содержанию указанной выше переписки адвоката Г. с В. Из нее следует, что адвокат Г. в ответ на требования В. представить соглашение об оказании юридической помощи сообщил, что «оформлял только согласие и ордер на адвоката», а также заявил о «перерасходе» вознаграждения за «трудозатраты». Кроме того, из содержания переписки В. и адвоката А. следует, что предметом поручения, принятого как адвокатом Г., так и адвокатом А. по поручению адвоката Г., являлось именно представление интересов В. в качестве потерпевшего по уголовному делу № ..., возбужденному следователем СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы Б. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, в отношении неустановленного лица.

После получения В. сведений о намерении ПАО «Сбербанк» предъявить к нему иски в гражданском судопроизводстве между адвокатом Г. и заявителем В. в период с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года было дополнительно согласовано оказание юридической помощи последнему также и в гражданском судопроизводстве за дополнительное вознаграждение в размере 125 000 рублей.

Об этом свидетельствуют следующие доказательства: сообщение адвоката Г. В. посредством мессенджера WhatsApp 29 марта 2022 года: «В. приветствую! И. сказал, вы хотите, чтобы мы сопроводили вас на опознание и подготовили позицию по суду. Необходимо будет оплатить 125 тыс. на эти мероприятия»; последующие сообщения В. адвокату Г. о перечислении указанной суммы вознаграждения четырьмя частями в период с 31 марта 2022 года по 06 мая 2022 года, содержание которых приведено выше; ответные сообщения адвоката Г. В., которыми он подтверждал получение дополнительного вознаграждения в сумме 125 000 рублей.

В этой же переписке с адвокатом Г. В. обсуждал предмет и объем юридической помощи, которая должна была быть ему оказана за вознаграждение в размере 125 000 рублей. Так, 29 марта 2022 года на вопрос доверителя В.: «А., это только опознание и позиция для суда или также и участие в суде?», адвокат Г. ответил, в том числе, следующими сообщениями: «Сейчас суд и опознание только»; «Если будут вышестоящие инстанции в суде, будем согласовывать снова необходимость работы по ним и стоимость». В дальнейшем адвокат Г. тем же способом подтвердил принятие поручения о личном оказании В. юридической помощи в гражданском судопроизводстве. Так, 23 сентября 2022 года в ответ на сообщение В.: «А., приветствую. И. сказал Вы теперь будете моим делом заниматься. Из Прокуратуры на Ваш адрес должен ответ прийти?», адвокат Г. ответил: «Да, как получим дам знать».

Адвокат Г. признал получение вознаграждения в общей сумме 425 000 рублей как в ходе вышеуказанной переписки с В., так и в своих объяснениях в дисциплинарном производстве, тогда как его ссылки на передачу указанного вознаграждения адвокату А. доказательствами не подтверждены.

Заявитель В. последовательно утверждает, что указанные денежные средства были выплачены адвокату Г. за оказание именно последним

юридической помощи, тогда как адвокат А. только помогал адвокату Г. Более того, В. пояснил, что адвоката А. он воспринимал лишь как «технического исполнителя», работающего совместно с адвокатом Г. и под руководством последнего.

Как неоднократно указывали дисциплинарные органы адвокатского самоуправления города Москвы, в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи все разногласия, сомнения и противоречия трактуются в пользу доверителя, а ответственность как за надлежащее оформление отношений с доверителем, так и за оказание ему квалифицированной юридической помощи лежит на адвокате, принявшем поручение, как на профессиональном участнике этих правоотношений.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что денежные средства, полученные адвокатом Г. на счет личной банковской карты, являлись вознаграждением, выплаченным ему доверителем В. за оказание юридической помощи. При этом доказательств исполнения адвокатом Г. обязанностей по зачислению указанных денежных средств на счет адвокатского образования, равно как и по выдаче доверителю В. финансового документа, подтверждающего получение адвокатом Г. денежных средств, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в том, что лишь на основании достигнутого с доверителем В. устного соглашения и без заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме адвокат Г.:

- не позднее 26 августа 2021 года принял поручение на представление интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве различных следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы;

- в период с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года принял поручение на представление интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в гражданском деле № ... Л. районным судом города Москвы);

- в период с 28 августа 2021 года по 06 мая 2022 года пятью платежами получил от доверителя В. вознаграждение за оказание юридической помощи в общей сумме 425 000 рублей на счет личной банковской карты, не внося его на расчетный счет адвокатского образования (адвокатского кабинета), а также не выдав доверителю В. каких-либо финансовых документов по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.).

Рассматривая дисциплинарное обвинение в полном самоустранении адвоката Г. от оказания В. какой-либо юридической помощи несмотря на фактическое принятие вышеуказанных поручений и получение от него вознаграждения в общей сумме 425 000 рублей, а также в нарушении адвокатом Г. таким поведением предписаний ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, в том числе о злоупотреблении его доверием, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, «профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему» (п. 1); «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре» (п. 2); «злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката» (п. 3).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после принятия указанного выше поручения на оказание юридической помощи в виде представления интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы, адвокат Г. первоначально совершил действия, демонстрирующие доверителю В. его (адвоката Г.) намерение лично участвовать в оказании этой юридической помощи. Так, из переписки адвоката Г. и В. усматривается, что 30 августа 2021 года на вопрос В.: «А. приветствую. Пока молчит полиция. А когда нужно уже будет самому их дергать?», адвокат Г. ответил: «Добрый день. И. завтра будет начинать дергать и позвонит вам уточнить информацию». 29 марта 2022 года адвокат Г. сообщил доверителю В. размер вознаграждения за то, что он и адвокат А. совместно «сопроводят» В. «на опознание». Кроме того, адвокат Г. встречался с адвокатом А. по вопросам оказания В. юридической помощи в уголовном судопроизводстве, на что указывает содержание переписки заявителя В. и адвоката А. Так, 08 декабря 2021 года адвокат А. направил В. следующее сообщение: «Добрый день! Мы как раз вчера с А. встречались по этому вопросу. Ехать смысла нет, они даже не пускают, но позвонить именно Вам можно. У их руководителя лежит мой адвокатский запрос, отправленный по факсу и переданный через дежурную часть второй экземпляр».

Адвокат Г. как профессиональный советник по правовым вопросам и профессиональный участник правоотношений с доверителем В. не мог не понимать, что вышеуказанными сообщениями, а также неоднократным получением от В. вознаграждения за оказание юридической помощи на счет личной банковской карты он формирует у В. как обоснованное ожидание оказания ему юридической помощи именно адвокатом Г., так и представление о том, что адвокат Г. оказывает ему данную помощь.

В материалах дисциплинарного производства не содержится сведений о том, какие процессуальные действия с участием потерпевшего В. производились по уголовному делу, помимо признания его потерпевшим.

Вместе с тем, Совет отмечает, что, приняв поручение на представление интересов потерпевшего В. по данному уголовному делу, адвокат Г. был обязан, по крайней мере, незамедлительно вступить в указанное уголовное дело в качестве представителя потерпевшего, представив соответствующий ордер, а также заявить все необходимые ходатайства, направленные на реализацию процессуальных прав и защиту интересов В., при наличии оснований обжаловать действия (бездействие) и решения следователя, которыми нарушаются права и интересы его доверителя.

Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Г. не оформил ордер на представление интересов потерпевшего В., не вступил в уголовное дело в качестве его представителя и не предпринял никаких иных действий в уголовном судопроизводстве, направленных на защиту прав и интересов своего доверителя В., самоустранившись от оказания ему юридической помощи.

Согласно ст. 313 ГК РФ исполнение обязательства может быть возложено должником на третье лицо только в том случае, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа не вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично. Между тем, адвокат, принявший поручение на оказание доверителю юридической помощи, во всех случаях не вправе самоустраняться от ее оказания, в том числе и путем полного поручения исполнения поручения другому адвокату (См., например, п. 4 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8) // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) 2019. С. 127–129).

Указанный подход применим к случаям принятия адвокатом любых поручений, вне зависимости от вида юридической помощи и судопроизводства, в которой она оказывается, поскольку заключение соглашения об оказании юридической помощи с конкретным адвокатом формирует у доверителя обоснованное ожидание оказания ему юридической помощи лично адвокатом, принявшим его поручение. Иной подход означал бы ущемление конституционного права каждого на свободный выбор юридического представителя и означал бы невозможность установления доверительных отношений между доверителем и адвокатом, к которому он обратился за профессиональной помощью.

Полное поручение адвокатом Г. оказания В. юридической помощи в уголовном судопроизводстве адвокату А. в сочетании с активным поддержанием адвокатом Г. убежденности В. в его (адвоката Г.) личном участии в оказании ему данной юридической помощи, в том числе и путем притягивания от В. вознаграждения на счет личной банковской карты, указывает на совершение адвокатом Г. действий, направленных к подрыву доверия В. к нему, а также на злоупотребление доверием В. Введение доверителя В. в

заблуждение относительно лица, оказывающего ему юридическую помощь, создало условия для длительного непредъявления В. претензий к адвокату Г. и для удержания последним вознаграждения, полученного от доверителя за юридическую помощь, от оказания которой он в действительности самоустранился.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 и 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в том, что, приняв не позднее 26 августа 2021 года поручение на представление интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы, и сформировав у доверителя В. убеждение в совместном оказании ему юридической помощи адвокатами Г. и А., он устранился от оказания данной юридической помощи доверителю В., полностью перепоручив ее оказание адвокату А.

При рассмотрении данного дисциплинарного обвинения подлежит самостоятельной оценке профессиональное поведение адвоката Г., выразившееся в получении им дополнительного вознаграждения в размере 125 000 рублей в связи с принятием в период с 29 марта по 06 мая 2022 года поручения по представлению интересов В. в гражданском судопроизводстве, а также в качестве дополнительной оплаты юридической помощи, оказываемой в уголовном судопроизводстве.

Как указано выше, 26 марта 2022 года В. получил копию искового заявления ПАО «Сбербанк» в лице филиала – Московского банка ПАО «Сбербанк» о взыскании с него задолженности по эмиссионному контракту с ценой иска 661 996,88 рублей. Из переписки заявителя В. и адвоката А. следует, что в тот же день В. переслал светокпию указанного искового заявления адвокату А., с которым поддерживал контакт в связи с уголовным делом. 29 марта 2022 года адвокат Г. послал В. сообщение в мессенджере WhatsApp: «В. приветствую! И. сказал, вы хотите, чтобы мы сопроводили вас на опознание и подготовили позицию по суду. Необходимо будет оплатить 125 тыс. на эти мероприятия».

Описанные обстоятельства свидетельствуют о том, что В. обратился к адвокатам Г. и А. как за дальнейшим оказанием ему юридической помощи в уголовном судопроизводстве по уголовному делу № ..., так и за оказанием юридической помощи в гражданском судопроизводстве, необходимость в которой возникла в связи с предъявлением к нему ПАО «Сбербанк» вышеуказанных требований имущественного характера.

На момент направления адвокатом Г. указанного сообщения В. предварительное расследование по уголовному делу было приостановлено постановлением следователя от 21 октября 2021 года в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В этой связи, а также со ссылкой на ст. 209 УПК РФ, Квалификационная

комиссия пришла к выводу о том, что производство с участием потерпевшего В. следственного действия (предъявления для опознания) в указанной процессуальной ситуации, а также дальнейшее оказание юридической помощи В. в уголовном судопроизводстве были для адвоката Г. заведомо невозможны. Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ, после приостановления предварительного следствия следователь принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с п. 1, 2 ч. 1 ст. 211 УПК РФ предварительное следствие возобновляется на основании постановления следователя после того, как отпали основания его приостановления или возникла необходимость производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия подозреваемого, обвиняемого. Таким образом, в случае установления лица, причастность которого к совершению преступления подлежит проверке процессуальным путем (в том числе путем производства опознания), следователь по собственной инициативе возобновляет производство по делу и производит необходимые процессуальные действия. В свою очередь, адвокат – представитель потерпевшего при наличии оснований обязан заявить ходатайство о возобновлении необоснованно приостановленного предварительного следствия и о производстве необходимых процессуальных действий, а также обжаловать незаконное бездействие и (или) незаконное решение следователя об отказе в удовлетворении такого ходатайства. Применительно к настоящему дисциплинарному производству адвокат Г., принявший поручение на представление интересов В. в качестве потерпевшего по уголовному делу № ..., был обязан не только вступить в указанное уголовное дело, но и активно осуществлять в интересах В. полномочия, предусмотренные статьями 42, 44, 45 УПК РФ. Однако, как указано выше, ничего этого адвокат Г. не сделал. По этой причине Совет полагает избыточным указание в формулировке дисциплинарного обвинения на невозможность оказания В. юридической помощи по уголовному делу и исключает это указание из дисциплинарного обвинения адвоката Г.

Кроме того, из материалов дисциплинарного производства следует, что В. в сообщении 29 марта 2022 года недвусмысленно высказал адвокату Г. сомнение в обоснованности его требований о выплате ему дополнительного вознаграждения: «Я к тому, что это все или еще какие траты возможны? При первой встрече упоминали не более 15-20 тыс., вот и переспрашиваю». Однако адвокат Г. не только выразил готовность продолжить за дополнительное вознаграждение оказывать доверителю В. «дополнительную» юридическую помощь в уголовном судопроизводстве, но и сформировал у доверителя ожидание ее оказания, отправив В. в тот же день ответное сообщение следующего содержания: «Сейчас суд и опознание только»; «Если будут вышестоящие инстанции в суде, будем согласовывать снова необходимость работы по ним и стоимость».

В дальнейшем, после того как доверитель В. в переписке с мессенджере WhatsApp сообщил адвокату Г. о необходимости обдумывания его предложения по оказанию вышеуказанной юридической помощи и попросил адвоката Г. представить ему текст заключенного с ним соглашения об оказании юридической помощи, адвокат Г. предпринял действия, направленные на введение В. в заблуждение относительно исполнения им профессиональных обязанностей по формализации своих отношений с ним. Так, 30 марта 2022 года в ответ на требование В. о представлении соглашения об оказании юридической помощи – «Но Вы мне все равно соглашение скиньте...» – адвокат Г. выслал В. файл «Public_Offer_AVG_Legal.pdf», содержащий «Публичную оферту на оказание юридической помощи от 01 декабря 2021 года от адвоката Г., учредившего адвокатский кабинет № ...». Указанная публичная оферта предусматривала поручение на «оказание юридической помощи Доверителю или указанному им лицу» (п. 1.1) без какой-либо конкретизации предмета поручения и доверителя адвоката; содержала сведения о размере вознаграждения адвоката Г. (п. 3.1), состоящего из: «стоимости вхождения в уголовное дело в размере 200 000 руб., уплачиваемой единовременно» и «стоимости профессионального часа работы в размере 15 000 руб. за каждый затраченный час профессиональной деятельности» (по уголовным делам), а также «стоимости вхождения в судебное дело в размере 150 000 руб. уплачиваемой единовременно» и «стоимости профессионального часа работы в размере 9 000 рублей за каждый затраченный час профессиональной деятельности» (по гражданским и арбитражным делам). При этом п. 4.1 указанной публичной оферты содержал условие о заключении на неопределенный срок соглашения, вступающего в действие с момента акцепта и подтверждения оплаты адвокатом, а в случае необходимости и одобрения заинтересованным лицом.

Содержание указанного документа явно противоречит положениям ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в частности, из-за не указания в нем конкретного доверителя и конкретного предмета поручения. Адвокат Г. как профессиональный участник правоотношений и профессиональный советник по правовым вопросам не мог не знать о том, что он не вправе представлять доверителю проект соглашения, не соответствующий требованиям законодательства. Тем не менее, отправку данного документа В. адвокат Г. сопровождал следующим адресованным ему пояснением: «Это и есть соглашение, вы оформляли только согласие и ордер на адвоката».

Таким образом, действия адвоката Г. были направлены на формирование у доверителя В. мнения о том, что адвокат Г. исполнил надлежащим образом свои обязанности по формализации отношений с ним. При этом из характера переписки адвоката Г. и доверителя В. следует, что требования о представлении ему соглашения об оказании юридической помощи В. предъявлял именно в связи с необходимостью принятия решения о выплате адвокату Г. дополнительного вознаграждения, и вышеописанные

действия адвоката Г. фактически создали условия для последующего получения от В. дополнительного вознаграждения на общую сумму 125 000 рублей при описанных выше обстоятельствах.

Факт получения адвокатом Г. дополнительного вознаграждения в размере 125 000 рублей достоверно установлен и не отрицается им самим. При этом для разрешения настоящего дисциплинарного производства не имеет значения, какая часть указанного вознаграждения была уплачена за оказание дополнительной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, а какая – за оказание юридической помощи в гражданском судопроизводстве, поскольку ни та, ни другая юридическая помощь адвокатом Г. не была оказана.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что вышеописанное профессиональное поведение адвоката Г. носило характер явно выраженного злоупотребления доверием В. и подорвало доверие последнего к адвокату Г. Действия адвоката Г. носили умышленный характер, поскольку в ходе общения с доверителем В. он ложно утверждал о том, что оказывает ему юридическую помощь, заявляя о наличии «перерасхода», якобы отраженного в его CRM-системе, а также о том, что он готов прислать В. «выгрузку» своих «трудозатрат» в связи с оказанием ему юридической помощи. При этом в своих объяснениях в дисциплинарном производстве адвокат Г. признал, что не оказывал В. какой-либо юридической помощи.

По изложенным основаниям, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пунктов 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в получении адвокатом Г. в период времени с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года от доверителя В. дополнительного вознаграждения в общей сумме 125 000 рублей, в том числе за оказание дополнительной юридической помощи по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы («сопровождение на опознание»), посредством введения доверителя В. в заблуждение относительно формализации адвокатом Г. с доверителем В. правоотношений путем принятия последним «публичной оферты» и относительно фактического оказания ему юридической помощи адвокатом Г.

Наконец, в ходе дисциплинарного производства нашло подтверждение и то обстоятельство, что адвокат Г., несмотря на принятие поручения на оказание юридической помощи по представлению интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в гражданском деле № ... Л. районным судом города Москвы), устранился от ее оказания.

Так, 23 сентября 2022 года В. в мессенджере WhatsApp послал адвокату Г. сообщение: «А, приветствую. И. сказал – Вы теперь будете моим делом заниматься. Из Прокуратуры на Ваш адрес должен ответ прийти?», на

которое адвокат Г. ответил: «Да, как получим дам знать». Кроме того, 27 февраля 2023 года доверитель В. тем же способом проинформировал адвоката Г. о назначении судебного заседания по гражданскому делу № ... на 02 марта 2023 года, однако данное сообщение доверителя было оставлено адвокатом Г. без ответа.

Из решения Л. районного суда города Москвы от 02 марта 2023 года по гражданскому делу № ... следует, что в судебном заседании адвокат Г. участия не принимал. Из объяснений заявителя В. следует, что адвокат Г. полностью устранился от оказания ему какой-либо юридической помощи, с просьбой о выдаче ему доверенности не обращался. В свою очередь, адвокат Г. подтвердил, что никакой юридической помощи В. не оказывал, ордер не оформлял. Из переписки адвоката Г. и доверителя В. в мессенджере WhatsApp усматривается, что адвокат Г. не отвечал на неоднократные сообщения В. с требованиями об оказании ему юридической помощи, по крайней мере, с 27 февраля 2023 года.

При таких обстоятельствах, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в том, что приняв в период с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года поручение на представление интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в гражданском деле № ... Л. районным судом города Москвы) и получив, в том числе за оказание данной юридической помощи, дополнительное вознаграждение в общей сумме 125 000 рублей, адвокат Г. устранился от представления интересов В. как ответчика по гражданскому делу № ..., рассмотренному Л. районным судом города Москвы с вынесением решения от 02 марта 2023 года.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает оснований для вывода о нарушении адвокатом Г. положений ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката в части дисциплинарного обвинения в самоустранении адвоката Г. от оказания юридической помощи в гражданском судопроизводстве, поскольку в материалах дисциплинарного производства не имеется доказательств введения адвокатом Г. доверителя В. в заблуждение относительно личного оказания им данной юридической помощи или использования доверия В. для достижения иных целей, противоречащих нормам профессиональной этики адвоката.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части доводов заявителей - адвоката Ве. и В. о совершении адвокатом Г. в отношении В. мошеннических действий вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 года (Протокол № 3), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://www.fparf.ru>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и ч. 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные нарушения, Совет учитывает их умышленный, неоднократный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Г. основополагающих требований законодательства, профессиональной этики и правил профессионального поведения. Совет признает, что нарушения, совершенные им сознательно, подрывают доверие к нему как адвокату, а также причинили существенный вред как доверителю В., так и репутации адвокатуры в целом. Профессиональное поведение адвоката Г., сопряженное со злоупотреблением доверием, Совет, руководствуясь п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, оценивает как недопустимое и несовместимое со статусом адвоката. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к адвокату Г. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом тяжести нарушений и необходимости обеспечения требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с пунктом 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Г. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности Г., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В. (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившееся в том, что лишь

на основании достигнутого с доверителем В. устного соглашения и без заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме адвокат Г.:

– не позднее 26 августа 2021 года принял поручение на представление интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы;

– в период с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года принял поручение на представление интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в гражданском деле № ... Л. районным судом города Москвы);

– в период с 28 августа 2021 года по 06 мая 2022 года пятью платежами получил от доверителя В. вознаграждение за оказание юридической помощи в общей сумме 425 000 рублей на счет личной банковской карты, не внося его на расчетный счет адвокатского образования (адвокатского кабинета), а также не выдав доверителю В. каких-либо финансовых документов по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.);

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 и 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем В. (своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в том, что, приняв не позднее 26 августа 2021 года поручение на представление интересов потерпевшего В. по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы, и сформировав у доверителя В. убеждение в совместном оказании ему юридической помощи адвокатами Г. и А., он устранился от оказания данной юридической помощи доверителю В., полностью перепоручив ее оказание адвокату А.;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем В. (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в получении адвокатом Г. в период с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года от доверителя В. дополнительного вознаграждения в общей сумме 125 000 рублей, в том числе за оказание дополнительной юридической помощи по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей СО Отдела МВД России по Т. району города Москвы («сопровождение на

опознание»), посредством введения доверителя В. в заблуждение относительно формализации адвокатом Г. с доверителем В. правоотношений путем принятия последним «публичной оферты», относительно фактического оказания ему юридической помощи адвокатом Г.;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем В. (своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами), выразившееся в том, что, приняв в период с 29 марта 2022 года по 06 мая 2022 года поручение на представление интересов В. в гражданском судопроизводстве (в связи с предъявлением ПАО «Сбербанк» к В. требований имущественного характера, которые впоследствии были рассмотрены в гражданском деле № ... Л. районным судом города Москвы) и получив, в том числе за оказание данной юридической помощи, дополнительное вознаграждение в общей сумме 125 000 рублей, адвокат Г. устранился от представления интересов В. как ответчика по гражданскому делу № ..., рассмотренному Л. районным судом города Москвы с вынесением 02 марта 2023 года решения.

Установить в отношении Г. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобам адвоката Ве. от 29 мая 2023 года (вх. № ... от 29.05.2023) и В. от 12 июля 2023 года (вх. № ... от 13.07.2023), в части доводов о совершении адвокатом Г. в отношении доверителя В. мошеннических действий по завладению его денежными средствами – вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков